

Но подобно тому, как некоторые писатели XI—XVII вв. и первые русские силлабисты конца XVII в. нередко создавали «славословия», для которых историческая действительность не давала заслуживающего их материала, и во второй половине XVIII в. были авторы, которые «превращали оду и пышное славословие монарху в набор трафаретных риторических украшений. Жанр вырождался, ода утрачивала связь с действительностью, обслуживала лишь потребности двора».⁴⁶

7

Нет необходимости примерами напоминать о том, как много внимания уделяла древнерусская литература с первых веков своей истории воинской теме — повествованию о победах русского народа и о тяжелых поражениях, о мужестве русских воинов, их воинской чести, любви к родине. Широкие эпические картины сражений и осады городов постоянно сопровождаются лирическими размышлениями авторов, выражением их радости или скорби, восхищения подвигами храбрости и презрения к врагам. Лирическая стихия «воинской повести» древней Руси на протяжении всего феодального периода нередко превращала эпический по теме рассказ в лирический монолог или глубоко эмоциональное описание настроений участников событий и лирического пейзажа, на фоне которого происходит действие. Если высокая поэзия XVIII в. развивала воинскую тему как славу русскому оружию, то древнерусская литература самым ходом исторических событий побуждалась изображать не только радость побед, но и горечь поражений. Этим объясняется большее разнообразие эмоций, отраженных воинской повестью древней Руси, по сравнению с торжественными одами XVIII в. Но на всем протяжении своей истории — с XI по XVIII в. — русская литература в произведениях на воинскую тему выражала, как справедливо отмечает исследователь, «идею служения родине, интерес к злободневным политическим вопросам, чувство национальной гордости».⁴⁷ В самом способе выражения эмоций, вызываемых военными событиями, и описания батальных сцен в древнерусской воинской повести и в одах XVIII в. установлено значительное сходство,⁴⁸ поддержанное иногда хорошим знакомством и древнерусских писателей, и поэтов XVIII в. с эпической народной поэзией. Вряд ли мы ошибемся, если придем к выводу, что именно в развитии воинской темы между гражданской поэзией XVIII в. и древнерусской «гражданственной» лирикой, вплетающейся в воинские повести, наблюдается особенно явная преемственность. Однако эта преемственность лишь изредка была результатом прямого воздействия на поэтов XVIII в. образцов древнерусского воинского стиля. Идеиное и художественное родство поддерживалось и в этой области теми национальными традициями, с которыми в новом воплощении мы встретимся и в литературе следующих периодов.

Стихотворную форму приобретает прославление победы русского народа в 1709 г., когда Феофан Прокопович сложил «Епиникион, сиречь песнь победную о тоейжде преславной победе» — о Полтавской битве. Как и в древнерусской воинской повести, лиризм «Епиникиона» в сильной степени еще окрашен религиозными настроениями, высшая похвала храбрости

⁴⁶ Поэты XVIII века, стр. 78. Екатерина II, по словам исследователя, «для укрепления своего авторитета использовала и поэзию. В. Петров, В. Рубан и Е. Костров в 80-е годы были поставщиками официальных стихов».

⁴⁷ Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно-поэтическая и литературная традиция, стр. 123.

⁴⁸ Там же, стр. 95—123.